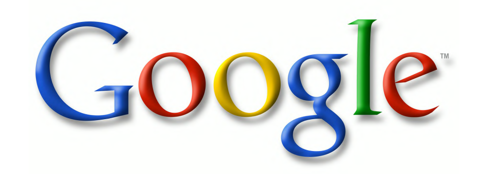

Google

SEAL OF THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA
LET THERE BE LIGHT
1868

[redacted]

[redacted]

КАЗИМІРЪ КЕЛЛЕСЪ-КРАУЦЪ.

Что такое экономическій матеріализмъ?

ЦѢНА 10 КОП.

ИЗДАНІЕ
Е. П. ГОРСКОЙ.
1906.

КАЗИМІРЪ КЕЛЛЕСЪ-КРАУЦЪ.
KAZIMIERZ KELLES – KRAUZ

CHTO TAKOE

Что такое

EKONOMICHESKIJ

экономическій

MATERIALIZM'?

матеріализмъ?

(ПЕР. СЪ НѢМЕЦКАГО).

КІЕВЪ.
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО Е. П. ГОРСКОЙ.
1906.

LANTZEFF

Дозволено цензурою. Кіевъ, 10 Января 1906 года.

Прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ дискуссіи о матеріалистическомъ пониманіи исторіи, поставленной на очередь дня еще на прошломъ конгрессѣ, мнѣ кажется необходимымъ, чтобы послѣдователь этой доктрины разъяснилъ, что она собственно означаетъ. Мнѣ, на долю котораго выпала эта задача, многіе возразятъ, что это разъясненіе излишне. Развѣ нашъ учитель, Карлъ Марксъ, не изложилъ еще въ 1859 году въ своемъ предисловіи къ „Критикѣ политической экономіи“ свою соціальную философію въ сжатой формѣ. Развѣ это мѣсто, такъ часто цитированное, такъ часто перепечатанное, не служило исходной точкой дальнѣйшаго развитія, а также и мишенью всей критики. Въ противовѣсъ этимъ возраженіямъ я долженъ замѣтить, что, не смотря на богатство мыслей этого очерка, на его логичность и точность, онъ все-таки не вполнѣ соотвѣтствуетъ современному положенію доктрины. Марксъ, какъ мы всѣ знаемъ, прошелъ черезъ школу нѣмецкаго идеализма; но онъ хотѣлъ поставить его на ноги, обосновать его на землѣ, дабы онъ, какъ это было у Гегеля, „не ходилъ на головѣ“, не отнимая у него въ то же время всего того, что въ немъ было дѣйствительно великаго и истиннаго—его монизма и его революціонной діалектики. А такъ какъ Марксъ формулировалъ свою философію въ связи съ идеализмомъ, такъ что она являлась въ одно и то же время его развитіемъ и противоположностью, то его выраженія имѣютъ часто исключительно условный смыслъ, ведущій къ недоразумѣніямъ, какъ напримѣръ, противорѣчіе между словами, „бытіе“ и

„сознаніе“. Вышеназванное предисловіе кромѣ того не содержитъ въ себѣ совокупности всѣхъ идей, составляющихъ въ настоящее время матеріалистическое пониманіе исторіи. Энгельсъ (пользуясь замѣтками и совѣтами своего друга и учителя), прибавилъ къ соціальной философіи Маркса новую главу объ исторіи первобытнаго міра, и далъ такимъ образомъ въ предисловіи къ своему „Происхожденію семьи и собственности“ новый текстъ и желанный матеріалъ для той категоріи критиковъ, которыхъ профессоръ Лабріола, не безъ злости, называетъ „филологами“. Протекъ длинный промежутокъ времени, въ теченіе котораго матеріалистическое пониманіе исторіи пріобрѣтало все новыхъ послѣдователей и часто примѣнялось при составленіи монографій и программъ, при разрѣшеніи всякаго рода теоретическихъ и практическихъ вопросовъ, прежде чѣмъ самый выдающійся ученикъ Маркса счелъ себя вынужденнымъ основанной на недоразумѣніяхъ критикой заново обосновать главнѣйшія положенія доктрины. Поводомъ къ этому послужила для Каутскаго полемика, возникшая между нимъ и Бельфоръ-Баксомъ въ 1895 году; въ своемъ органѣ „Neue Zeit“ онъ развилъ тогда эти основанія съ такой ясностью, что всякій, кто хотя немного интересуется этимъ вопросомъ, долженъ прочесть эти статьи. Но, не смотря на всю ихъ цѣнность, статьи Каутскаго, какъ и многія другія изложенія марксистскаго ученія, являются по существу полемическими статьями и носятъ временный характеръ, содержатъ апологію и обвиненія, а потому онѣ не равноцѣнны и не полны.

Итакъ, мы видимъ, что мы до сихъ поръ не имѣемъ яснаго и краткаго, но по возможности полнаго систематическаго изложенія матеріалистической или лучше монистическо-экономической соціологіи. Побуждаемый предстоящей дискуссіей и тѣмъ, что никто другой не взялъ на себя этой задачи, я хочу представить вамъ свое изложеніе. Моя просьба о снисхожденіи не только съ вашей стороны, но и со стороны всѣхъ приверженцевъ

этой доктрины, не будетъ ораторскимъ пріемомъ, ибо трудность подобнаго изложенія дѣйствительно велика; для правильной ея оцѣнки нужно прежде всего принять во вниманіе то распространеніе, которое за послѣднее время получило наше соціологическое ученіе. И на самомъ дѣлѣ, чтобы составить очеркъ экономическаго матеріализма, хотя бы только въ его главныхъ чертахъ, но въ то же время во всемъ его цѣломъ, недостаточно въ настоящее время положить въ основаніе труды Маркса и Энгельса; недостаточно также и содѣйствіе ихъ духовныхъ наслѣдниковъ, такихъ мыслителей, какъ Каутскій, Плехановъ и Лабріола; нельзя теперь оставить безъ вниманія тѣхъ марксистовъ, которые содѣйствовали, хотя и въ меньшей степени, возведенію нашего зданія; но и этого мало, во избѣжаніе крупныхъ ошибокъ нужно принять во вниманіе и всѣхъ тѣхъ соціологовъ, которые находятся подъ вліяніемъ марксизма, не примыкая однако къ школѣ Маркса, какъ де-Греефъ и Лоріа, а также и тѣхъ, которые инымъ путемъ пришли къ тому же принципу, какъ, напримѣръ, Роджерсъ, Лакомбъ и Липпертъ; необходимо даже пользоваться трудами такихъ людей, которые часто противъ своей воли содѣйствовали построенію нашей доктрины, какъ это, по моему мнѣнію, и было у всей исторической школы народнаго хозяйства и экономической исторіи. Всѣ эти различныя направленія могутъ въ своихъ основныхъ чертахъ составить однородное цѣлое, такъ какъ всѣ они имѣютъ общимъ источникомъ великое соціальное движеніе 19 столѣтія, характерной чертой котораго является коренная экономическая революція.

Эта однородность естественно исчезаетъ, какъ только мы переходимъ къ детальному изложенію. Второстепенныя черты, а иногда даже черты, имѣющія большое значеніе, различны не только у разныхъ группъ, но часто и у отдѣльныхъ писателей. Всякое подражаніе есть въ то же время и самостоятельное произведеніе, и, такимъ образомъ, единство доктрины разрушается вслѣдствіе

пропаганды среди различныхъ общественныхъ слоевъ; я подразумѣваю то единство въ узкомъ смыслѣ, которое позволяетъ признать доктрину, какъ цѣлое и идентичное, въ любомъ приведенномъ „текстѣ". Но этимъ обусловливается то, что и мое изложеніе, несмотря на всѣ мои усилія дать Вамъ только синтетическій обзоръ, не будетъ лишено индивидуальной окраски. Вѣдь это уже лежитъ въ природѣ вещей, что принадлежащій къ какой либо школѣ и по мѣрѣ силъ содѣйствующій развитію этой школы путемъ стремленія выдѣлить главныя основныя черты и отдѣлить ихъ отъ тѣхъ, которыя имѣютъ только второстепенное значеніе, считаетъ, съ одной стороны, свои собственныя мысли необходимымъ и логическимъ слѣдствіемъ основныхъ принциповъ этой школы и, съ другой стороны, выбираетъ изъ этихъ принциповъ то, что можетъ служить предпосылками къ его собственнымъ заключеніямъ. Мнѣ остается въ концѣ своего вступленія заявить Вамъ, что изложеніе мое въ силу его сжатости будетъ нѣсколько труднымъ для пониманія, а также просить о Вашемъ благосклонномъ вниманіи, при наличности котораго мы избавимся въ предстоящей дискуссіи отъ недоразумѣній, такъ часто, къ сожалѣнію, случающихся.

I.

Всю человѣческую жизнь можно свести къ тремъ факторамъ, а именно: человѣкъ, природа и общество. Эта сжатая и потому не точная формула нуждается въ разъясненіи; подъ этими факторами мы понимаемъ: качества, составляющія особенность человѣка; естественную среду всякаго даннаго мѣстожительства, т. е. космическое, геологическое и топографическое положеніе, фауну, флору, и т. д.; и, наконецъ, установившіяся отношенія человѣка къ человѣку. Человѣкъ поставленъ въ необходимость добывать себѣ средства къ про-

[redacted]

питанію и защищаться отъ всевозможныхъ нападеній. Эта необходимость и заставляетъ его входить въ союзъ съ другими людьми: такой союзъ можетъ возникнуть естественнымъ путемъ между матерью и ребенкомъ для защиты послѣдняго въ самомъ раннемъ возрастѣ, причемъ союзъ этотъ впослѣдствіи переходитъ въ его сознаніе, какъ нѣчто должное, и на этомъ основаніи можно было бы утверждать, что общественное состояніе является естественнымъ состояніемъ человѣка. Союзъ можетъ также возникнуть благодаря заботѣ о болѣе продуктивной защитѣ и болѣе продуктивной производительности, и, въ этомъ случаѣ, онъ объединяетъ, болѣе или менѣе добровольно, мать, отца и дѣтей, а позже—семейства, племена и народы. Наконецъ, союзъ можетъ образоваться между членами уже развитого общества, пришедшими къ убѣжденію о невозможности порвать общественныя связи и признавшими жизнь внѣ общества противорѣчащей здравому смыслу. Уже одного факта общественнаго объединенія достаточно для коренного измѣненія отношенія между природой и живымъ существомъ, будь то человѣкъ или животное, такъ какъ оно создаетъ искусственную среду, которая становится между человѣкомъ или животнымъ и естественной средой, и приспособляетъ вліяніе этой послѣдней въ пользу членовъ общества. Но подобный союзъ людей не является единственнымъ послѣдствіемъ заботы о болѣе интенсивной производительности и болѣе дѣйствительной защитѣ; онъ ведетъ также къ изобрѣтенію орудій производства, которыя являются ничѣмъ инымъ, какъ естественными органами человѣка, искусственнымъ образомъ усиленными и лучше приспособленными, соотвѣтственно заимствованнымъ у естественной природы средствамъ.

Такъ какъ изолированный и предоставленный только своимъ собственнымъ силамъ человѣкъ не можетъ перешагнуть извѣстной очень низкой ступени усовершенствованія орудій производства, то еще въ раннемъ періодѣ качественное и количественное обогащеніе орудіями производства—

[redacted]

техническое вооруженіе—тѣсно связано съ развитіемъ общества, находясь въ извѣстномъ взаимоотношеніи другъ къ другу, а вмѣстѣ взятыя составляютъ искусственную среду, охраняющую и отдѣляющую человѣка отъ природы. Это то и есть отличительная черта человѣческаго рода. У животныхъ мы тоже можемъ найти случаи примѣненія орудій, еще чаще встрѣчается общественное сожительство, но общественное использованіе орудій производства свойственно исключительно человѣку, и только это обстоятельство такъ увеличиваетъ охраняющую и изолирующую силу искусственной среды, которая поставила человѣка внѣ и выше всѣхъ живыхъ существъ. Первое крупное проявленіе этой чрезвычайно цѣнной силы искусственной среды заключается въ необыкновенной способности человѣка приспособляться. У всѣхъ животныхъ приспособленіе къ новой естественной средѣ достигается посредствомъ измѣненія органовъ, вообще путемъ органическаго перерожденія. Если это измѣненіе не можетъ произойти, то животное, попавшее въ новыя условія существованія, должно погибнуть. Человѣкъ же, напротивъ, приспособляется къ различнымъ естественнымъ условіямъ путемъ измѣненія только орудій производства, и потому естественная граница, въ предѣлахъ которой онъ можетъ выбирать мѣсто для жительства, расширяется все болѣе и болѣе, хотя самъ онъ или точнѣе его физическій организмъ остается почти неизмѣненнымъ во всякое время и во всякомъ мѣстѣ при самыхъ различныхъ условіяхъ. Вмѣсто человѣческаго организма измѣняются, подъ давленіемъ неотвратимой необходимости въ болѣе интенсивной продуктивности, орудія производства. Но это измѣненіе происходило быстро и замѣтно лишь съ того времени, какъ орудія производства стали общественными. До этого человѣкъ въ теченіе столѣтій населялъ землю, подверженный вліянію всѣхъ геологическихъ и климатическихъ переворотовъ; но также, какъ и всѣ животныя, типъ которыхъ окончательно установился, онъ велъ (разъ

[redacted]

только могъ жить) однообразную жизнь, безъ какихъ либо достойныхъ вниманія психическихъ измѣненій и безъ исторіи. Краткая, но богатая, исторія человѣчества начинается съ того времени, какъ орудія производства и средства защиты становятся общественными. Но съ наступленіемъ этой эпохи нельзя указать существенныхъ измѣненій ни въ окружающей насъ средѣ, ни въ организмѣ самого человѣка. Въ историческій періодъ измѣнялось только общество, и измѣненіе послѣдняго, его исторія, зависѣло исключительно отъ измѣненія и развитія орудій производства. (Мы разсматриваемъ всѣ орудія защиты, только какъ особый родъ орудій производства, притомъ все болѣе и болѣе теряющій свое относительное значеніе). Способъ производства находится въ зависимости отъ степени совершенства орудій производства и отъ естественной среды. Если не принимать во вниманіе первобытный способъ производства, заключающійся въ собираніи плодовъ и корней, для котораго нужны только хватательные и жевательные органы,—эти непосредственные предшественники всякихъ орудій,—то охота, рыбная ловля, скотоводство (какъ послѣдствіе охоты) и земледѣліе опредѣляются орудіями производства, которыми владѣетъ общество и которыя оно примѣняетъ для использованія богатствъ, предоставляемыхъ ему природой.

Когда мы говоримъ объ орудіяхъ производства, мы причисляемъ къ этой категоріи и огонь, и не только тогда, когда онъ добывается искусственнымъ путемъ, но даже и тогда, когда онъ получается естественнымъ путемъ, и дѣятельность человѣка заключается только въ его сохраненіи, такъ какъ орудіями производства обозначаемъ мы все то, что служитъ въ рукахъ человѣка къ укрѣпленію или дополненію его собственныхъ органовъ. Всякому хорошо извѣстна рѣшающая роль, которую игралъ огонь при возникновеніи первобытнаго общества и при образованіи его различныхъ формъ.

Позднѣйшіе способы производства, включительно до современнаго примѣненія крупныхъ машинъ, слѣдуютъ другъ за другомъ соотвѣтственно послѣдовательному развитію общественной системы орудій производства, которая—подъ непрестаннымъ стремленіемъ къ прогрессивному увеличенію производительности, — становится все болѣе разнообразной и сложной. Вліяніе естественной среды на способъ производства и на всю общественную жизнь находится въ обратномъ отношеніи къ этому развитію, такъ какъ болѣе усовершенствованныя орудія производства позволяютъ обществу въ большей мѣрѣ воздѣйствовать на природу и, до извѣстной степени, измѣнять ее. Способъ производства и возникающія изъ него общественныя отношенія вліяютъ также на физіологическую жизнь человѣка, усиливая или притупляя извѣстныя чувства, развивая или атрофируя нѣкоторыя части тѣла и производя въ общемъ то, что обыкновенно называется вырожденіемъ или усовершенствованіемъ „расы“. Мы не говоримъ уже о физіологическихъ измѣненіяхъ, вызываемыхъ въ человѣческомъ мозгу различными мыслями, которыя, въ свою очередь, безусловно являются соціальнымъ продуктомъ. Совершенно не исключена возможность, если предположенія Шенка когда либо станутъ дѣйствительностью, оказывать въ будущемъ рѣшающее вліяніе на полъ будущихъ поколѣній. Слѣдовательно, даже измѣненія въ природѣ и организмѣ человѣка, съ того времени, какъ онъ имѣетъ исторію, опредѣляются орудіями и способомъ производства. Съ тѣхъ поръ, какъ общественная система орудій производства дала человѣку возможность подчинить себѣ природу, съ тѣхъ поръ, какъ она создала родъ моста между человѣкомъ и природой, система эта устанавливаетъ и отношенія между человѣкомъ и природой, потому что взаимныя отношенія людей другъ къ другу самымъ рѣшительнымъ образомъ вліяютъ на всю соціальную жизнь.

II.

Вся общественная жизнь обусловлена способомъ производства. Первое время вся интеллектуальная и волевая дѣятельность людей въ обществѣ, не исключая проявленій, которыя мы теперь называемъ первобытное „искусство“, философія и религія, имѣла цѣлью поддержаніе жизни и удовлетвореніе существенныхъ матеріальныхъ потребностей. Позднѣе, когда матеріальныя, а, слѣдовательно, и интеллектуальныя потребности становятся все многочисленнѣе, разнообразнѣе и сложнѣе, появленіе всякой новой потребности возможно только въ тотъ моментъ, когда это позволитъ матеріальное богатство общества; но болѣе важнымъ и существеннымъ условіемъ является то, что всякая изъ этихъ новыхъ потребностей можетъ быть удовлетворена только тѣми средствами, которыя представлены въ распоряженіе даннымъ способомъ производства и притомъ тогда, когда при этомъ не только не стѣсняется удовлетвореніе главныхъ матеріальныхъ интересовъ, но, напротивъ, во всѣхъ важныхъ проявленіяхъ еще облегчается. Все это даетъ намъ право установить, что тотъ или другой способъ удовлетворенія или неудовлетворенія данной потребности опредѣляетъ качество самой потребности. Другими словами, употребляя краткое и вульгарное, но немного двусмысленное, выраженіе: мораль, право, политика, религія, искусство, наука, философія, всѣ онѣ имѣютъ утилитарное происхожденіе и утилитарное существованіе и потому онѣ не только не могутъ противорѣчить способу производства, но находятся въ прямомъ соотвѣтствіи съ нимъ.

Къ способу производства прежде всего приспособляется система раздѣленія труда (или не раздѣленія) съ соотвѣтствующимъ видомъ руководства трудомъ, которое въ свою очередь обусловливаетъ распредѣленіе и обращеніе благъ; къ нему же приспособляется затѣмъ и способъ потребленія благъ, а со всей этой экономической организаціей тѣсно связаны экономическая мораль и экономическое право. Съ экономической же моралью и

правомъ въ тѣсной связи находятся организаціи семьи и государства съ политическимъ и семейнымъ правомъ, а также и моралью. Сущность морали и права состоитъ въ публичномъ признаніи и санкціи властью „самопроизвольно возникшей“ общественной организаціи, то есть другими словами мораль и право приспособляются къ производству цѣнностей. Наука, съ своей стороны, если она не представляетъ собой систематизаціи морали, права и вообще самопроизвольной общественнной организаціи, есть въ сущности только сумма нужныхъ для производства знаній; и какъ она тамъ позднѣе ни растетъ, расширяется и спеціализируется, центромъ ея всетаки остается производство. Языкъ, это непремѣнное условіе общественнаго производства, былъ тоже частью „знанія“ прежде, чѣмъ онъ сдѣлался областью искусства. Искусство несомнѣнно матеріальное производство и, какъ таковое находится въ тѣсной зависимости отъ орудій производства, но, если разсматривать искусство болѣе обще, его можно было бы назвать „моралью инстинктовъ“, т. е. системой дѣйствій или мыслей, усиливающихъ вліяніе общественной морали на индивидуумовъ уже однимъ тѣмъ фактомъ, составляющимъ характерный признакъ искусства, что изъ нихъ исчезъ всякій слѣдъ ихъ первоначально-утилитарной основы. Религія и философія, имѣющія обѣ своей задачей объясненіе явленій и, по существу, однозначущія, представляютъ собой соединеніе обоихъ видовъ науки и искусства, которые мы выше различаемъ, и являются систематизаціей всѣхъ общественныхъ воззрѣній и предписаній.

III.

Весь этотъ комплексъ идей мы обыкновенно выражаемъ корреляціей терминовъ *базисъ* и *надстройка* или *содержаніе* и *форма*. Это образныя аллегорическія выраженія, какъ и большинство тѣхъ, которыми пользуются высшія науки. Смотря

по тому, примѣняемъ ли мы архитектурную аллегорію, которая подходитъ болѣе къ статикѣ, или геологическо-пластическую, съ которой связано представленіе о наличности динамическаго элемента, мы можемъ схематично представить себѣ общество, или, какъ зданіе въ нѣсколько этажей, поддерживающихъ другъ друга, или, какъ тѣло, состоящее изъ нѣсколькихъ, расположенныхъ вокругъ основного ядра, слоевъ, по направленію отъ центра къ переферіи.

Экономическая категорія соціальныхъ явленій образуетъ базисъ всей надстройки, содержаніе всей соціальной формы; но во всемъ этомъ формальномъ цѣломъ, мораль, въ частности, служитъ базисомъ праву, политика, искусство и наука—философіи и т. д.; съ другой стороны распредѣленіе благъ въ экономической категоріи основывается на производствѣ, а самый способъ производства—на орудіяхъ. Слѣдовательно, всякій слой соціальной жизни, по отношенію къ своему выше лежащему ряду формальныхъ явленій, представляетъ базисъ; можно поэтому разложить всѣ соціальныя явленія въ одинъ рядъ, по степени ихъ зависимости отъ орудій производства.

Такой рядъ былъ выведенъ Энгельсомъ, де-Греефомъ, Лабріолой и Лакомбомъ различными путями, но осталось тѣмъ не менѣе еще много сдѣлать для основательнаго его изслѣдованія. По моему мнѣнію, этотъ рядъ состоитъ изъ трехъ членовъ: 1—хозяйства; 2—морали и права (семейная, имущественная и политическая мораль или право), однимъ словомъ, сумма законовъ человѣческой дѣятельности (Габріэль Тардъ сказалъ бы „соціальная телеологія“); 3—наука, искусство, религія и философія, нормы мышленія, пониманіе міра и его возсозданіе, другими словами, „соціальная логика“.

Каждый изъ этихъ членовъ включаетъ въ себѣ нѣсколько другихъ. Каждая формальная категорія явленій послѣдовательно связана съ категоріей, которая служитъ ей непосредственнымъ основаніемъ, а посредствомъ формы этой послѣд-

ней она связывается съ категоріями ниже лежащими. Но различные члены одного такого ряда переплетаются другъ съ другомъ, если отыскивать ихъ слѣдъ во всѣхъ категоріяхъ; ибо не нужно забывать, что систематическое право и философія (или религія) являются болѣе поздними соціальными продуктами, формальными продуктами по отношенію къ морали—съ одной стороны, и по отношенію къ наукѣ и искусству—съ другой; что зачатки права и науки, обусловленные матеріальнымъ производствомъ и зачаточнымъ искусствомъ, существовали еще задолго до появленія организованнаго права; что, какъ право, такъ и религія до извѣстной стадіи могутъ быть разложены, по отношенію къ хозяйству, независимо другъ отъ друга въ различные формальные ряды, телеологическій и логическій, хотя общимъ началомъ ихъ развитія служитъ то же хозяйство. И, такимъ образомъ, мы приходимъ къ заключенію, что рядъ, въ который расположились эти различныя категоріи въ извѣстной зависимости другъ отъ друга, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, можетъ дѣйствительно быть обратнымъ. Въ сильно организованныхъ, скажу даже, способныхъ къ защитѣ обществахъ, какъ существующія въ настоящее время цивилизованныя страны, этотъ рядъ формальностей расположенъ именно такъ, какъ я это выше показалъ (можно было бы назвать такой порядокъ нормальнымъ): т. е. философія и религія, искусство и наука состоятъ на службѣ у соціальной организаціи, такъ какъ онѣ стремятся не ослаблять ее, а, напротивъ, дать ей научное обоснованіе.

IV.

Если мы теперь разсмотримъ, какова дѣйствительная, а не внѣшняя, роль соціальной формы по отношенію къ соціальному содержанію, то увидимъ, что отношеніе между ними такое же, какъ между средствомъ и цѣлью. Вѣдь удовлетвореніе

біологическихъ потребностей является цѣлью хозяйственной дѣятельности; эта же послѣдняя одновременно является, какъ цѣлью и основнымъ условіемъ соціальной жизни, такъ и главной ея потребностью. Мораль является средствомъ для обезпеченія правильнаго дѣйствія и устойчивости хозяйственнаго организма, для устраненія всякихъ помѣхъ въ производствѣ и для распредѣленія и потребленія продуктовъ. Право есть средство закрѣпить мораль. Политическая власть обезпечиваетъ примѣненіе права и т. д. Наука, напримѣръ, даетъ техническія средства для производства, но вмѣстѣ съ тѣмъ она выставляетъ положенія, которыя служатъ обоснованіемъ нормамъ морали, приспособленнымъ къ господствующему способу производства. Вслѣдствіе особенности психо-физіологической природы человѣка, средство, сперва подчиненное цѣли, съ теченіемъ времени отъ постояннаго примѣненія, вытѣсняетъ послѣднюю изъ области сознанія и дѣлается въ концѣ концовъ единственной сознательной цѣлью, по отношенію къ которой дѣйствительная цѣль кажется только средствомъ второстепенной важности. Это превращеніе выступаетъ еще рѣзче при существованіи въ обществѣ дѣленія на классы и раздѣленія труда, такъ какъ тогда наука вообще, а равно и всякая специальная наука,—политика, искусство и т. д., служитъ для собственныхъ цѣлей спеціалистовъ и всѣхъ тѣхъ, которые связаны съ ней особымъ интересомъ, и потому то ея развитіе имѣетъ, до извѣстной степени, свою „собственную логику“.

Такимъ образомъ, искусство и наука становятся „безкорыстными“; и вообще соціальная форма, какъ только она достигаетъ извѣстной степени развитія, дѣлается, въ той или другой мѣрѣ, независимой отъ соціальнаго содержанія. Эта независимость выражается, прежде всего, въ ея противодѣйствіи эволюціоннымъ и революціоннымъ стремленіямъ соціальнаго содержанія. Соціальная форма кажется намъ здѣсь сохраняющей и охраняющей оболочкой; она задерживаетъ развитіе содержанія точно также, какъ замерзаніе задерживаетъ даль-

Чаще всего мы встрѣчаемъ эти пережитки въ категоріи эстетическихъ и религіозныхъ явленій, но они встрѣчаются, хотя и рѣже, и въ другихъ категоріяхъ. Это происходитъ оттого, что процессъ приспособленія надстройки къ развивающемуся основанію не равномѣренъ и систематиченъ. Всякое измѣненіе въ способѣ производства не отражается на всѣхъ слояхъ соціальнаго зданія равномѣрно; наоборотъ, дѣйствія этого измѣненія составляютъ очень сложную сѣть черезъ всѣ этажи и слои, поддерживающіе и обусловливающіе другъ друга и имѣющіе много различныхъ по своимъ свойствамъ точекъ соприкосновенія. Такимъ образомъ, легко возможно, что какая-нибудь точка соціальнаго зданія непосредственно не затронута слѣдствіями измѣненія въ самомъ основаніи; правда, позднѣе, эти слѣдствія и здѣсь дадутъ себя почувствовать, но до того времени могутъ пройти столѣтія. Такимъ образомъ, должно наступить время, когда вся надстройка отжившаго экономическаго основанія исчезнетъ, если и не изъ архива, то, во всякомъ случаѣ, изъ практической жизни; но тогда основаніе уже пережило дальнѣйшую стадію развитія и снова ушло впередъ.

V.

Выше сказанное вполнѣ ясно доказываетъ, что матеріалистическое пониманіе исторіи ни коимъ образомъ не разсматриваетъ соціальную форму, „идеологію“, только, какъ эпифеноменъ хозяйственной жизни; и потому не будетъ рѣзко противорѣчить смыслу этого ученія если представить роль формы по отношенію къ ея содержанію, какъ нѣчто самостоятельное. Наоборотъ, матеріалистическое пониманіе исторіи приписываетъ формѣ, на ряду съ относительной независимостью, еще способность воздѣйствовать на само основаніе. Выраженіе этой способности воздѣйствія мы видѣли въ консервативной, задерживающей тенденціи формы, и это проявленіе не единично.

Если не приспособившаяся форма задерживаетъ развитіе основанія, то, естественно, что процессъ ея приспособленія долженъ способствовать этому развитію. Непосредственно это можно наблюдать во время революцій. Такъ, напримѣръ, развитіе производительныхъ силъ разрушило цѣховые законы и, въ общемъ, феодальныя права, а введеніе новаго закона даетъ полную свободу развитію производительныхъ силъ. Такія явленія происходятъ не только въ большомъ, но и въ маломъ масштабѣ. Каждый разъ, когда развитіе содержанія наталкивается на устарѣвшую форму надстройки и вызываетъ въ ней частичное приспособленіе, эта новоприспособленная и новосозданная форма прежде, нежели она окаменѣваетъ и сама становится препятствіемъ для дальнѣйшаго развитія, однимъ фактомъ своего созданія даетъ основанію новый толчекъ впередъ. Оба эти процесса, происходящіе въ формѣ и въ содержаніи, зависятъ другъ отъ друга и, въ сущности, составляютъ единый процессъ, точно также, какъ при горѣніи свѣчи таяніе воска обусловливаетъ образованіе пламени, которое въ свою очередь растапливаетъ нижній слой воска. Въ соціальномъ процессѣ бытія причина есть слѣдствіе, а слѣдствіе—причина; это и является сущностью извѣстной, столь таинственной, діалектики Гегеля и Маркса. Но, если мы такимъ образомъ разложимъ соціальный процессъ на его составные элементы, тогда, какъ намъ кажется, связь между обусловливающимъ основаніемъ и обусловленной надсройкой потеряетъ свой загадочный характеръ. Тогда мы ясно поймемъ, что соціальная жизнь представляетъ собой одно цѣлое, что существуетъ взаимная зависимость между всѣми проявленіями жизни, и что экономическая эволюція также непонятна безъ развитія права и философіи какъ обратное явленіе, и что, въ общемъ, изолированность одного ряда явленій отъ другого можно себѣ представить только въ абстракціи. Но, если тѣмъ не менѣе ради научнаго изслѣдованія чтобы выйти изъ cirkulus vitiosus взаимной зависимости, при-

нять нѣкоторыя положенія, какъ данныя, классифицировать всѣ эти явленія посредствомъ обоснованной для даннаго случая абстракціи, то легко замѣтить, что всѣ другія соціальныя функціи имѣютъ своимъ основаніемъ хозяйство, и становится понятнымъ, что пружиной, приводящей въ движеніе всю соціальную жизнь, будетъ стремленіе соединить возможно большую производительность съ какъ можно меньшей тратой силы. Стремленіе это при помощи существующихъ унаслѣдованныхъ соціальныхъ формъ приводитъ къ техническимъ изобрѣтеніямъ.

Что же касается до всѣхъ другихъ изобрѣтеній, новшествъ и подражаній, которыя появляются на остальныхъ поприщахъ человѣческой дѣятельности, то мы формулируемъ для нихъ слѣдующій законъ: всякая перемѣна, происшедшая въ основаніи, вызываетъ рано или поздно соотвѣтствующую перемѣну или приспособленіе и въ надстройкѣ; вслѣдствіе относительной независимости формы въ ней могутъ происходить извѣстныя перемѣны, независимо отъ процесса въ основаніи, однако подобная перемѣна или измѣненіе въ формѣ никогда не установятся, если онѣ не соотвѣтствуютъ перемѣнамъ въ основаніи. Если какая-либо страна подражаетъ формамъ другой, то это подражаніе только тогда можетъ имѣть мѣсто, если экономическая основа страны достаточно подготовлена, и тогда новыя формы ускоряютъ ея развитіе въ направленіи развитія страны, которой она подражала.

Наряду съ этимъ общимъ смысломъ, діалектика имѣетъ еще другой болѣе спеціальный. Мы видѣли, что соціальная форма затвердѣваетъ, кристаллизуется въ господствующіе принципы и догмы. Она отстаетъ отъ развитія экономическихъ, правовыхъ и научныхъ основаній, идущихъ непрерывно дальше, незамѣтно для человѣка. Это развитіе становится замѣтнымъ лишь тогда, когда его послѣдствія суммировались, и люди стоятъ уже передъ переворотомъ, когда становится яснымъ, что формы раньше такъ хорошо согласо-

ванныя съ содержаніемъ теперь совершенно ему не соотвѣтствуютъ. „Разумъ становится глупостью, благодѣяніе—несчастьемъ". Такъ, напримѣръ, одни и тѣ же мѣропріятія, охраняя свободную конкуренцію, пока предпріятія одинаковы сильны, становятся опорами монополіи и оковами для свободы, какъ только въ силу конкуренціи это равновѣсіе нарушено.

Такъ какъ всякая соціальная форма, приспособляясь къ содержанію, способствуетъ этимъ дальнѣйшему его развитію, то вполнѣ правильно будетъ утвержденіе, что всякая соціальная форма заключаетъ внутри себя причины своего измѣненія въ противоположность, причемъ она сама—при правильномъ функціонированіи—пускаетъ ихъ въ ходъ.

Всякая форма хороша и правильна, пока она соотвѣтствуетъ содержанію и способствуетъ дальнѣйшему его развитію, иначе она никогда не могла бы и появиться; но наступаетъ моментъ, когда всякая форма, безъ исключенія, становится непригодной и невѣрной. Когда этотъ моментъ наступаетъ, то форма не исчезаетъ сразу, а примѣняется къ новому содержанію путемъ медленнаго и постепеннаго измѣненія смысла, путемъ разныхъ компромиссовъ и противорѣчій; она уступаетъ, насилуетъ логику до тѣхъ поръ, пока „количество не перейдетъ въ качество" и не настанетъ моментъ новаго революціоннаго испытанія, во время котораго компромиссы суммируются, противорѣчія разрѣшаются, и создается новая система.

Но соціальное развитіе не останавливается; оно снова принимается за „работу Пенелопы" и неудержимо идетъ своимъ вѣрнымъ путемъ дальше, пока опять не наступаетъ моментъ, когда форма, служившая отрицаніемъ раньше существовавшей формѣ, снова отрицается содержаніемъ и въ силу необходимости вызываетъ къ жизни прежнюю форму. Такъ, напримѣръ, въ развитіи орудій производства существовала стадія, когда орудія производства принадлежали самимъ производителямъ; дальнѣйшее усовершенствованіе этихъ орудій

отдѣлило ихъ отъ производителя; на еще болѣе высокой ступени развитія наступитъ такая новая стадія, когда производитель снова станетъ обладателемъ орудій, но не индивидуально, а коллективно. Каждая изъ этихъ трехъ экономически-правовыхъ формъ необходима для достиженія при данномъ состояніи орудій производства максимальной производительности. Послѣ этого примѣра становится яснымъ, и такихъ примѣровъ очень много, что отрицаніе отрицанія никогда не повторяетъ тождественно формы прошлаго, а образуетъ сліяніе, „синтезъ", двухъ противоположныхъ формъ, которыя обѣ окончательно устраняются этимъ же синтезомъ.

VI.

Все, что мы выше изложили, относится ко всѣмъ человѣческимъ обществамъ. Но между ними есть общества, играющія важную роль въ исторіи человѣчества и обладающія специфическими характерными чертами, и которыя мы должны поэтому разсмотрѣть нѣсколько ближе— это общества, состоящія изъ классовъ. Въ этихъ обществахъ существуетъ такое раздѣленіе труда, при которомъ одна часть общества постоянно спеціализируется въ руководствѣ производствомъ, беретъ его полностью въ свои руки и полностью оттѣсняетъ отъ него другую часть общества. Но руководство производствомъ возможно при правѣ свободно распоряжаться средствами производства, а это приводитъ въ концѣ концовъ къ обладанію этими средствами: орудіями и природными силами. Раздѣленіе на классы ярко очерчивается въ исторіи съ выходомъ человѣчества изъ состоянія аграрнаго коммунизма, называемаго обыкновенно первобытнымъ коммунизмомъ, въ которомъ управленіе работой, по крайней мѣрѣ въ началѣ, не составляло еще особой спеціальности и средства производства принадлежали обществу. До этого коммунизма были другія общественныя состоянія,

имѣвшія своимъ основаніемъ различные способы производства, какъ-то: собираніе естественныхъ продуктовъ, рыбная ловля, охота (въ томъ числѣ и охота на людей или война). Въ этихъ обществахъ уже существовало дѣленіе, по крайней мѣрѣ на два класса, обусловленное преимущественно біологическими различіями членовъ этого общества, это были классы мужчинъ и женщинъ. Становилось замѣтнымъ и различіе между бѣдными и богатыми, господами и рабами. Стремленіе человѣка къ увеличенію индивидуально присваеваемыхъ матеріальныхъ благъ проявилось еще во время аграрнаго коммунизма, не смотря на то, что эта соціальная форма сильно ограничивала его. Стремленіе это, благодаря обмѣну и войнѣ, этимъ пособникамъ производства, привело въ концѣ концовъ къ уничтоженію коммунизма, послѣ того какъ онъ изъ средства охраны слабаго первобытнаго человѣка, превратился въ тормазъ для увеличенія производительности, существованіе которой онъ самъ обезпечилъ. Дальнѣйшее развитіе производства, при тогдашнемъ состояніи техники, могло принести пользу только незначительной части общества и только въ томъ случаѣ, когда эта часть эксплоатировала другую; этимъ и обусловливалась необходимость принудительныхъ учрежденій, обезпечивавшихъ устойчивость подобныхъ организацій. Позднѣе эта организація усложняется: общество остается раздѣленнымъ на два класса, на имущихъ и неимущихъ, но каждый классъ, въ свою очередь, подраздѣляется; образуются новые классы, характеризуемые своей посредственной или непосредственной ролью, которую они играютъ въ хозяйственномъ процессѣ. Если эти классы опредѣляются и устанавливаются закономъ, то ихъ зовутъ *сословіями или кастами.* Вообще, со времени исчезновенія аграрнаго коммунизма, не существовало ни одного общества, не раздѣленнаго на классы.

Раздѣленіе на классы есть прямое слѣдствіе способа производства, раздѣленія труда и управленія трудомъ; раздѣленіе на классы такъ важно

и существенно, что оно становится базисомъ всей соціальной надстройки и, главнымъ образомъ, базисомъ раздѣленія имуществъ, экономической морали и экономическаго права. Оно образуетъ новую искусственную среду, очень сильно вліяющую на способъ производства: новую изолирующую оболочку, черезъ которую должна пробиться соціальная форма, чтобы приспособиться къ содержанію. Классъ, въ рукахъ котораго находятся средства производства, организуетъ общество такъ, чтобы, какъ можно дольше, сохранить существующій порядокъ вещей, и захватываетъ съ этой цѣлью всѣми имѣющимися у него средствами политическую власть въ свои руки. Экономическое развитіе, сводящееся къ все большей и большей производительности, ничѣмъ не можетъ быть задержано и въ своемъ развитіи оно тихо, но вѣрно, подкапываетъ существующее господство одного класса въ пользу другого, освобождающагося съ теченіемъ времени изъ своего подневольнаго положенія и становящагося противникомъ перваго. Разгорается борьба за политическую власть, за единственное средство обезпечить себѣ управленіе производствомъ и добиться благопріятнаго для себя распредѣленія благъ; она распространяется на всѣ соціальныя области, заставляетъ господствующій классъ идти на различныя уступки и запутываетъ его во всевозможныхъ противорѣчіяхъ. Поддерживаемый въ борьбѣ новымъ способомъ производства и техническимъ прогрессомъ, новый классъ, наконецъ, побѣждаетъ и стремится теперь преобразовать общество соотвѣтственно потребностямъ своего господства и уничтожить слѣды прежняго господства. Затѣмъ начинается та же исторія.

Раздѣленіе на классы оставляетъ глубокіе слѣды на всемъ обществѣ и запечатлѣваетъ на немъ свои характерныя черты, изъ которыхъ самая характерная, это классовая борьба и, прежде всего, борьба за политическую власть. Вся надстройка возвышается на этомъ вулканическомъ, постоянно потрясаемомъ, основаніи. Каждый классъ создаетъ свойственныя ему понятія объ этикѣ,

правѣ, наукѣ, искусствѣ, философіи и религіи, однимъ словомъ, объ обществѣ и мірѣ. Эти понятія стремятся мотивировать и закрѣпить способъ производства или политическій строй настоящаго, прошлаго или будущаго, смотря по тому, какой для даннаго класса является самымъ полезнымъ. Проявленіе этого стремленія можетъ и не итти непосредственно къ цѣли, иногда оно дѣйствуетъ издалека и очень сложнымъ путемъ. Тѣмъ не менѣе, общество именно въ этомъ смыслѣ „классифицировано". Всякое соціальное явленіе отмѣчено извѣстнымъ классовымъ духомъ, и все общество представляетъ собой въ каждый данный моментъ, при каждомъ своемъ движеніи, равнодѣйствующую различныхъ классовыхъ тенденцій, дѣйствующихъ друга на друга подъ разными углами.. Раздѣленныя на классы общества представляютъ, также и при приспособленіи формы къ содержанію, особенности, рѣзко отличающія ихъ отъ другихъ. Вообще, мы должны различать два способа приспособленія. Первый происходитъ безсознательно или скорѣе безъ сознанія цѣли, самопроизвольно, у другого же приспособленіе имѣетъ опредѣленную цѣль и происходитъ сознательно. Первый изъ нихъ представляетъ собой рядъ неправильныхъ, медленныхъ, постепенныхъ отложеній разныхъ нормъ и повѣрій вокругъ ядра основныхъ потребностей и функцій. По прошествіи извѣстнаго промежутка времени эти отложенія окончательно окружаютъ сердцевину и дѣйствуютъ созидательнымъ образомъ на слѣдующіе слои. Они создаютъ видъ соціальной „аперцепціи", a priori направляющей человѣческое сознаніе по опредѣленнымъ направленіямъ; а съ другой стороны кажется, будто они отрицательнымъ выборомъ закрываютъ передъ человѣкомъ другіе пути и области мысли и дѣятельности и дѣлаютъ ихъ для него невидимыми. Благодаря этому выбору мыслей и дѣйствій, благодаря этой соціальной аперцепціи становится яснымъ, почему члены одного класса мнятъ себя безкорыстными, чувствуютъ себя стоящими выше партійныхъ интересовъ въ

то время, когда они постоянно стремятся къ жизненнымъ интересамъ своего коллектива. И, именно, эта окраска безкорыстія и идейности и вкореняетъ сильнѣе всего въ душу интересы общества или даннаго класса.

Нужно отсутствіе всякаго глубокаго пониманія, чтобы объяснять всякое дѣйствіе и всякую мысль члена даннаго общества или класса непосредственнымъ сознательнымъ классовымъ интересомъ. Но, это уже въ природѣ вещей, что подобное сознаніе цѣли проявляется чаще всего у обществъ съ классовымъ дѣленіемъ. У обществъ, не раздѣленныхъ на классы, приспособленіе много непосредственнѣе, форма отлагается постепенно безъ толчковъ, можно, пожалуй, сказать, что она кристаллизуется и разлагается внѣ сферы соціальнаго сознанія и дѣйствія. При классовой же борьбѣ, когда одному классу приходится защищать свои интересы противъ всѣхъ прочихъ, соціальная организація неизбѣжно болѣе сознательна, а, слѣдовательно, и „раціональна“.

Въ борьбѣ аперцепція застываетъ, петли сѣти, черезъ которыя должны пройти всѣ чувства, дѣлаются все тѣснѣе, и форма все сильнѣе сопротивляется развитію содержанія; когда ея отсталость становится замѣтной, она принимаетъ видъ непроходимой пропасти, и, чтобы перейти ее, нужна революція, которая, съ своей стороны, насильственно подавляетъ господствовавшія до нея стремленія и потребности. Развитіе посредствомъ противорѣчій здѣсь, слѣдовательно, выражено много яснѣе, нежели въ обществахъ, не имѣющихъ классоваго дѣленія. Разложеніе и новообразованіе соціальныхъ императивовъ и взглядовъ, которыя А. Лоріа очень хорошо подмѣтилъ, хотя и объяснилъ ихъ произвольно, на самомъ дѣлѣ представляютъ изъ себя рѣзко противоположныя, мѣняющіяся стадіи, дѣйствительныя антитезы.—Но вся эта великая историческая эпоха классовыхъ обществъ, которая характеризуется частной собственностью на средства производства, сама образуетъ антитезу по отношенію къ первобытному коммунизму. Какъ

только развитіе продуктивной техники достигаетъ стадіи, когда пользованіе высшими матеріальными и интеллектуальными благами становится возможнымъ для всѣхъ, а не только для небольшой кучки людей, уничтоженіе раздѣленія на классы дѣлается необходимостью, такъ какъ раздѣленіе это теперь не поощряетъ развитія производства, а, наоборотъ, тормазитъ его. Въ то же время это развитіе создаетъ и двигаетъ впередъ новый классъ, пролетаріатъ, для котораго общество безъ классовъ, сообща владѣющее и управляющее средствами производства, служитъ идеаломъ, достиженіе котораго необходимо для его благосостоянія Такимъ образомъ совершается діалектическій круговоротъ исторіи, той исторіи, которая намъ сегодня открывается въ прошломъ, и которую мы можемъ предвидѣть въ будущемъ.

VII.

Выше сказанное показываетъ намъ, что именно связываетъ экономическій матеріализмъ съ соціализмомъ; эта связь заключается въ характерѣ философіи соціальной революціи и пониманія общества, свойственныхъ пролетаріату. Этотъ характеръ пріобрѣло наше соціологическое ученіе съ самаго начала; теоретики нашей школы, какъ Энгельсъ, Лабріола и, прежде всего, Плехановъ, провѣрили свои теоріи на генеологіи этихъ ученій.

Буржуазія 18 столѣтія была одновременно матеріалистична и раціоналистична. Матеріализмъ и раціонализмъ были въ ея рукахъ сильнымъ орудіемъ борьбы, дѣйствительнымъ средствомъ разложенія нормъ, защищавшихъ способъ производства и государственныя учрежденія феодализма противъ буржуазіи. Одинъ выдающійся историкъ философіи (А. Веберъ) говоритъ по этому поводу мѣтко: „равноправіе передъ законами природы, одинаковый детерминизмъ для всѣхъ, не исключая и высшаго существа—былъ общимъ лозунгомъ всѣхъ философовъ матеріализма,

пока, наконецъ, въ 1789 году революція не сдѣлала его своимъ девизомъ“. Не менѣе мѣтко показываетъ намъ Гольбахъ тѣсную связь между соціальными тенденціями буржуазіи и ея философскими воззрѣніями въ словахъ: „Міръ не абсолютная монархія, какъ этого хочетъ Дунсъ Скоттъ, и не конституціонная, какъ этого хочетъ Лейбницъ, а республика“. Буржуазія, стремясь къ своей революціи, думала, что это будетъ единственная окончательная революція; она думала, что обладаетъ абсолютной правдой, а главное, что она нашла истинное опредѣленіе неизмѣняющейся человѣческой природы и смотрѣла на все прошлое, какъ на громадную ошибку, какъ на грубое насиліе надъ этой природой. Потому то ея матеріализмъ не способенъ былъ объяснить весь ходъ исторіи, самое большое, что онъ могъ сдѣлать, это обвинить половъ и князей; при этомъ онъ никогда не могъ выбраться изъ слѣдующаго cirkulus vitiosus'a: „общественное мнѣніе правитъ обществомъ, но воспитаніе (а это вѣдь и есть общество) вырабатываетъ общественное мнѣніе“.

Контръ-революціонная школа, задачей которой было защищать существующій порядокъ вещей, порядокъ, который охранялъ и обезпечивалъ мѣстныя и классовыя особенности, пыталась защищать его указаніемъ на его соціальную пользу; это и была причина того, что ихъ школа отличалась отъ революціонной своимъ реалистическимъ и историческимъ методомъ. На этомъ основаніи одновременно съ реставраціей стараго строя фонъ-Галлеръ, де-Мэстръ и другіе, вплоть до Гегеля, „реставрировали“ науку. „Все дѣйствительное—разумно“, было ихъ глубокомысленное изрѣченіе, и все мѣняется постепенно лишь тогда, когда перемѣщается соціальная польза, и у него отнимается этимъ основаніе для существованія. У нихъ и у всѣхъ тѣхъ, которые принимали участіе въ борьбѣ съ безплоднымъ раціонализмомъ, съ абсолютной вѣрой въ политическія или точнѣе въ формальныя революціи, мы находимъ воззрѣнія, близко соприкасающіяся съ матеріалистическимъ

пониманіемъ исторіи, объясняющія существованіе общества классовой борьбой за матеріальныя интересы. Всѣ эти воззрѣнія и идеи тяготѣютъ къ одному и тому же положенію, что феодализмъ, олицетворяющійся въ политической области законной монархіей, а въ религіозной—іерархической церковью, приноситъ самую большую экономическую и соціальную пользу.

Приверженцы этой теоріи не могутъ, слѣдовательно, предоставить ни общество, ни міръ свободному воздѣйствію ихъ элементарныхъ силъ. Эти силы снизу должны быть сдерживаемы, управляемы и направляемы сверху. Это, слѣдовательно, школа абсолютистовъ и идеалистовъ. И, если Гегель объявляетъ развитіе человѣчества діалектическимъ, естественнымъ и необходимымъ, если онъ освобождаетъ философію исторіи отъ cirkulus vitiosus'а матеріалистовъ, сводя оба члена этого противорѣчія къ общему опредѣленію, включающему въ себѣ даже юридическое опредѣленіе Гизо: „l'etat de personnes“, „la société civile, если онъ отдѣлывается отъ фикціи неизмѣняющейся и вѣчной человѣческой природы, то онъ дѣлаетъ это лишь потому, что видитъ въ развитіи человѣчества и міровъ необходимый и подчиненный рефлексъ постоянно образующейся абсолютной идеи, которая сама ничто иное, какъ проекція внѣ міра интеллектуальной природы человѣка, дѣятельности его разума.

Рядомъ съ этими, находящимися въ борьбѣ, классами, буржуазіей и феодализмомъ, неудержимо растетъ третій—пролетаріатъ, который, съ самаго начала не примыкая ни къ одному, ни къ другому классу, хочетъ вступить во владѣніе наслѣдствомъ обоихъ. Борьба, ослабляющая оба класса, какъ въ практической жизни, такъ и въ теоріи, приноситъ лишь пользу растущему вліянію третьяго. Насколько идеалъ будущаго этого класса объединяетъ полную свободу и соціальную организацію, общее благосостояніе и большую производительность, настолько и его пониманіе исторіи превосходитъ пониманіе двухъ другихъ такимъ дѣйствительно син—

[redacted]

тетическимъ, образомъ, что его справедливо можно сравнить съ тѣмъ возрѣніемъ, которымъ Кантъ примирилъ взгляды Лоока и Лейбница, но, одновременно съ этимъ, навсегда изгналъ ихъ изъ области науки.

Пролетаріатъ не раціоналистиченъ: у него достаточно основанія знать, что высшій разумъ буржуазіи очень легко становится глупостью, и что, несмотря на всѣ ея претензіи на его абсолютный характеръ, онъ ничто иное, какъ выраженіе извѣстныхъ экономическихъ интересовъ и отношеній. Пролетаріатъ имѣетъ также силу, чтобы фактически доказать, какъ относительна всякая существующая соціальная форма, чтобы привести въ движеніе колесо исторической діалектики. И именно потому онъ знаетъ, что основаніе существованія и развитія всякаго общества надо искать не внѣ его, а въ немъ самомъ, въ его глубинѣ, въ неперестающемъ стремленіи къ все большей производительности, подъ давленіемъ которой развивается весь непрерывный рядъ техническихъ изобрѣтеній. Въ этихъ изобрѣтеніяхъ, во всей производительной техникѣ, выражается ничто иное, какъ человѣческая мысль, человѣческая природа; но въ этой природѣ нѣтъ ничего вѣчнаго, наоборотъ, она, по существу, постоянно измѣняется, и не вслѣдствіе сверхчеловѣческой причины, а потому, что потребности, которыя создаются этой природой, измѣняются сами по мѣрѣ своего удовлетворенія и, именно, вслѣдствіе удовлетворенія. Это вѣчное созданіе основного фактора внутри самаго общества. И для того, чтобы это созданіе не остановилось бы, какъ того желалъ Гегель, для того, чтобы не замедлило наступленіе момента, въ который существующее, но ставшее не подходящимъ, должно исчезнуть, для всего этого философія пролетаріата соединяетъ гегелевскую діалектику съ матеріалистической тенденціей, бывшей такимъ сильнымъ средствомъ революціонной развязки въ рукахъ французской буржуазіи.

Нѣмецкая буржуазія 18 столѣтія была еще слишкомъ слаба, чтобы перенять у французскаго

буржуа острое оружіе матеріализма. Ея философы съ Кантомъ во главѣ довольствовались тѣмъ, что приспособляли раціонализмъ Руссо къ положенію своего класса, которому въ то время ничего больше не оставалось, какъ протестовать во имя индивидуальной морали и достоинства противъ просвѣщеннаго вольтеріанскаго деспотизма такимъ образомъ, что раціонализмъ перешелъ въ идеализмъ и метафизику и позднѣе легко сдѣлался идеалистической философіей общественной реставраціи. Но къ серединѣ нашего столѣтія нѣмецкая буржуазія окрѣпла настолько, что могла предпринять серьезную борьбу съ феодализмомъ, и тогда она снова возвратилась къ матеріализму. Лѣвая гегеліанцевъ, съ Фейербахомъ во главѣ, произвела этотъ переходъ, и какъ разъ въ моментъ соединенія матеріализма съ идеализмомъ появилась на свѣтъ соціальная философія пролетаріата—марксизмъ. Она родилась въ Германіи, гдѣ рабочее движеніе болѣе кажущееся, чѣмъ реальное, благопріятствовало выработкѣ большихъ всеобъемлющихъ теорій.

Наоборотъ, во Франціи соціальная философія была всегда проникнута больше реальными потребностями настоящаго, и пролетаріатъ обращалъ свое вниманіе, прежде всего, на конкретныя экономическія и политическія задачи. Однако утописты, и прежде всего Сенъ-Симонъ, который былъ очень близокъ къ мысли, что проблема взаимодѣйствія соціальныхъ факторовъ имѣетъ свое рѣшеніе въ основномъ развитіи техники, какъ извѣстно, много содѣйствовали возникновенію марксизма. Это, по моему мнѣнію, служитъ причиной, что позитивизмъ Огюста Конта не играетъ въ немъ никакой роли, и что до настоящаго дня марксисты почти добровольно оставляли его безъ вниманія и недооцѣнивали. Но, если изслѣдовать позитивизмъ, то надо признать, что, при другихъ обстоятельствахъ, онъ также хорошо, если не лучше, чѣмъ гегеліанство, могъ бы быть источникомъ и предшественникомъ марксизма. Роль Конта во Франціи можно „mutatis mutandis“ сравнить съ ролью Гегеля въ

Германіи. Оба были „великими реставраторами соціальной науки“ послѣ революціонно-раціоналистической бури: но въ то время, какъ Гегель открыто защищалъ феодальное прусское государство, Контъ удовлетворялся глубокимъ преклоненіемъ передъ средневѣковьемъ, что, однако, не удержало его отъ признанія многихъ интеллектуальныхъ успѣховъ и завоеваній буржуазіи. Марксизмъ, находившійся подъ вліяніемъ Сенъ-Симона, не нуждался больше въ помощи Конта для того, чтобы вывести высшій синтезъ изъ феодальнаго тезиса и буржуазнаго антитезиса; его синтезъ былъ болѣе послѣдователенъ и революціоненъ.

Мы не имѣемъ намѣренія провести здѣсь параллель между марксизмомъ и позитивизмомъ. Въ другой разъ я покажу, что послѣдовательно проведенный и продуманный позитивизмъ, въ силу необходимости, долженъ совпасть съ марксизмомъ; живымъ примѣромъ служитъ де-Греефъ. Но Контъ, дошедши до извѣстной точки, возвратился назадъ по своимъ стопамъ. Эти противники раціонализма были, однако, такъ имъ заражены, что Контъ также, какъ и Гегель, считалъ свою систему вѣнцомъ вѣкового развитія человѣческой мысли, своего рода неприкосновеннымъ откровеніемъ. Чтобы защитить общество отъ коммунистическихъ утопій, онъ сдѣлалъ свою соціальную статику своего рода консервативной утопіей, основаніемъ для которой служила неприкосновенность теперешней семьи, а для обоснованія этой неприкосновенности онъ долженъ былъ, подобно раціоналистамъ и утопистамъ, придумать человѣческую природу, которая—по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ—была бы неизмѣнна. Здѣсь онъ не могъ болѣе свести высшія проявленія интеллектуальной жизни къ стремленію „избѣгнуть побужденія, боль и смерть“ (что являлось видоизмѣненіемъ Липпертовской заботы о поддержаніи жизни), какъ сдѣлалъ онъ это въ другомъ мѣстѣ; ибо это означало бы предать съ трудомъ построенную соціальную форму разла-

гающему дѣйствію постоянно прогрессирующаго экономическаго базиса.

Отсюда происходятъ его крупныя противорѣчія и враждебность его ученія, какъ догматической системы, къ марксизму. Тѣмъ не менѣе, мы должны быть ему благодарны за духъ его позитивнаго изслѣдованія, который онъ ввелъ въ соціальныя науки и который сдѣлался теперь общимъ достояніемъ, въ которомъ и марксизмъ чувствуетъ себя очень хорошо, такъ какъ этотъ духъ можетъ только содѣйствовать росту марксизма

Марксизмъ вѣдь не догма, какъ это думаютъ тѣ, которые его не знаютъ, и было бы даже преувеличеніемъ сказать, что онъ система. Онъ только способъ изслѣдованія, или лучше сказать, такъ какъ методъ всегда содержитъ въ себѣ зерно предположеній и своеобразныхъ заключеній, онъ средство для пониманія и объясненія соціальной жизни; и такое средство, для котораго современная научная позитивная атмосфера служитъ лучшимъ элементомъ, безъ котораго онъ не могъ бы и существовать. Въ этомъ отношеніи марксизмъ совпадаетъ съ позитивной школой, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого названія. Но онъ стоитъ выше эклектизма этой школы, онъ не удовлетворяется констатированіемъ взаимодѣйствія и зависимости всѣхъ проявленій соціальной жизни, а ведетъ изслѣдованіе дальше и думаетъ, что имъ найденъ основной процессъ, порождающій и управляющій всѣми проявленіями жизни. На практикѣ, возникшая такимъ образомъ, разница между обѣими школами кажется не особенно большой, ибо ни одинъ марксистъ не станетъ утверждать, что всѣ проявленія и явленія жизни въ данной странѣ и въ данную эпоху просто объясняются экономическими отношеніями этой страны и только данной эпохи. Ни одинъ марксистъ не пренебрегаетъ значеніемъ аллотопическихъ и аллохроническихъ причинъ и той роли, почти совершенно независимой, которую могутъ играть политическая, правовая и религіозная формы, пережившія уже

давно исчезнувшія экономическія основанія. По существу же, эта разница остается во всемъ своемъ значеніи; ибо экономическій монизмъ марксистской соціологіи означаетъ, что соціальная форма, разъ въ ней отсутствуетъ экономическое содержаніе, должна послѣ довольно продолжительнаго промежутка времени неизбѣжно исчезнуть, что соціальная природа человѣка можетъ совершенно измѣниться съ обстоятельствами, что, напримѣръ, даже прирожденныя преступныя наклонности въ сущности ничто иное, какъ соціальный продуктъ и потому онѣ должны въ силу необходимости исчезнуть, если ихъ носители будутъ перенесены въ другую экономическо-соціальную среду, неблагопріятную для этихъ наклонностей, и что, слѣдовательно, никто (исключая совершенно не предвидѣнныхъ явленій, которыми, конечно, современная наука не занимается) не можетъ задержать достиженія идеала свободы и равенства, дающаго пролетаріату смѣлость отрицать тысячелѣтній классовый порядокъ.

VIII.

Я не стану скрывать своего убѣжденія, что экономическій матеріализмъ и соціализмъ тѣсно связаны другъ съ другомъ. Тѣмъ не менѣе ихъ можно изслѣдовать каждый въ отдѣльности, даже больше того, каждый изъ нихъ имѣетъ своихъ приверженцевъ. Мы можемъ найти много ученыхъ, объясняющихъ исторію и соціальную жизнь экономическими причинами, и которые всетаки нѣчто иное, чѣмъ соціалисты. Съ другой стороны, есть много ученыхъ, дружественно настроенныхъ къ соціализму, насчитывающихъ даже много борцовъ въ рядахъ соціалистовъ, отрицающихъ, однако, въ большей или меньшей степени это ученіе. Это объясняется тѣмъ, что пролетаріатъ граничитъ съ другими классами, съ которыми онъ приходитъ въ соприкосновеніе, и на этой границѣ онъ наталкивается на другія интеллектуальныя среды: съ одной

стороны на историко—экономическую школу, происходящую отъ классовъ стараго режима, класса аграріевъ и мелкой буржуазіи, такъ жестоко разстроенныхъ революціоннымъ раціонализмомъ, и съ другой стороны онъ сталкивается съ современной мелкой буржуазіей и интеллигенціей.

Сначала, когда пролетаріатъ, въ лицѣ своихъ передовыхъ борцовъ, пришелъ къ своему классовому сознанію, онъ занялъ рѣзко отрицательное положеніе по отношенію ко всему капиталистическому обществу и породилъ доктрину, непріемлимую для всѣхъ болѣе или менѣе господствующихъ классовъ этого общества. Но по мѣрѣ роста этой доктрины, когда подъ ея давленіемъ соціальная форма начинаетъ гнуться, пролетаріатъ снова вступаетъ въ общество для его завоеванія, а другіе классы начинаютъ приближаться къ нему, итти по тому же пути, стремясь одновременно съ этимъ задержать его шествіе. Пролетаріатъ самъ иногда считаетъ необходимымъ итти медленнѣе, дабы дать имъ возможность слѣдовать за нимъ. Это явленіе и есть причина ликующихъ криковъ „о кризисѣ соціализма“ въ политической области; и отзвукъ этого кризиса въ области науки образуетъ „кризисъ марксистской соціологіи,“ о которомъ уже нѣсколько лѣтъ такъ много говорятъ газеты и сочиненія научныхъ авторитетовъ. Съ этой точки зрѣнія легко понять, что аргументы и заявленія этихъ глашатаевъ „кризиса“ не только не новы, но даже не служатъ свидѣтельствомъ ихъ полнаго и точнаго пониманія главной идеи марксизма. Они удовлетворяются главнымъ образомъ тѣмъ, что находятъ противорѣчія въ сочиненіяхъ основателей и позднѣйшихъ изслѣдователей нашего ученія; они сличаютъ, взвѣшиваютъ каждое слово и прибѣгаютъ иногда къ пріемамъ экзегетики.

Можетъ быть этотъ способъ и принесетъ пользу будущимъ историкамъ, но до сихъ поръ приверженцы этого метода еще не доказали, что именно тотъ, кто больше заполняетъ свою память „текстами“ и приводитъ цитаты на всѣхъ языкахъ, приводитъ и самыя удачныя возраженія.

Такъ, напримѣръ, въ общемъ очень много кричали, что матеріализмъ порабощаетъ „идею“, что „фатализмъ“ марксистовъ подавляетъ индивидуумъ. Матеріализмъ, по нѣкоторымъ авторамъ, смѣетъ выводить „идею“ изъ „факта“: абсурдъ, преступленіе противъ теоріи познанія, которому нужно противопоставить „психологическое“ пониманіе общества. Все это ни болѣе, ни менѣе, какъ недоразумѣніе. Марксистская соціологія не менѣе психологична, чѣмъ всякая другая; только она не видитъ въ „идеѣ“ и въ „фактѣ“ двухъ діаметрально противоположныхъ вещей, которыя не могли бы быть сведены воедино. Точно также, какъ и всякая другая соціологія, она отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ, что общество состоитъ изъ индивидуумовъ и что всякое соціальное явленіе отражается въ индивидуумахъ на психикѣ каждаго въ отдѣльности. Основной фактъ марксистской соціологіи, хозяйственный фактъ (примѣненіе и даже существованіе орудій производства) вѣдь не менѣе психологиченъ, нежели какая угодно философская „идея.“ Но этимъ вопросъ только перемѣщенъ; сущность же дѣла заключается именно въ томъ, чтобы расположить въ рядъ различныя психическія функціи человѣка по степени ихъ важности; тутъ-то экономическая функція становится сама основаніемъ. Проблема теоріи познанія, какъ она противопоставляется философскому матеріализму, совершенно не существуетъ для „экономическаго матеріализма. Эта соціологія феноменалистична; она не занимается отношеніями между человѣческимъ сознаніемъ и внѣшнимъ міромъ, какъ таковыми. Конечно, постоянный обмѣнъ между человѣческимъ сознаніемъ и міромъ, разсматриваемыми оба, какъ феномены, ее интересуетъ: вѣдь этотъ обмѣнъ и составляетъ процессъ образованія этого сознанія. Но тогда теорія познанія марксизма не должна быть чисто логической, а въ нѣкоторомъ смыслѣ исторической; и замѣчательно, какъ близко подходитъ способъ изслѣдованія этого вопроса Лабріола въ его письмахъ къ Сорелю къ объясненію, которое, напримѣръ, даетъ Леви-Брюль

(вслѣдъ за другими), мнимаго недостатка теоріи познанія Огюста Конта. Итакъ, намъ не кажется, что „возвращеніе къ Канту“, посредствомъ котораго провозвѣстники кризиса чего только не надѣялись достигнуть, принесло бы пользу марксизму. Во всякомъ случаѣ, мы хотѣли бы немного иначе понимать это возвращеніе, мы *соціализировали бы критическую точку зрѣнія.* Мы желали бы напомнить, что общество, группа и, въ особенности, съ нашей точки зрѣнія, классъ, къ которому принадлежитъ человѣкъ, даетъ его сознанію извѣстное направленіе, навязываетъ ему извѣстное апріорное пониманіе общества и міра, пониманіе, котораго онъ также не можетъ избѣжать, какъ и необходимости смотрѣть черезъ собственную сѣтчатую оболочку. Изъ этого мы вывели бы заключеніе, что философская система пролетаріата, которому въ силу необходимости также свойственна классовая аперцепція, относительна и временна, какъ и системы всѣхъ прежнихъ классовъ, и что эта система, созданная классовой борьбой, перестанетъ быть вѣрной или, точнѣе, казаться вѣрной только тогда, когда на ея мѣсто выступитъ новая соціальная аперцепція, созданная уже будущимъ, нераздѣленнымъ на классы, обществомъ. Вполнѣ естественно , что философія этого будущаго общества, происходя отъ марксизма, будетъ въ извѣстномъ отношеніи противоположна ему; но ни существующее, ни существовавшее до сихъ поръ не даетъ намъ возможности заключить, каковы будутъ ея основныя черты. Нельзя себѣ даже представить эту будущую систему, такъ какъ во всякое такое представленіе, помимо воли, будетъ внесено извѣстное классовое освѣщеніе.

Въ этомъ смыслѣ я допускаю, что кризисъ марксизма можетъ и даже долженъ наступить; но, чтобы преодолѣть подобный кризисъ, не идя назадъ, нужно использовать принципы экономическаго матеріализма вплоть до ихъ послѣднихъ заключеній, т. е. до ихъ полнаго осуществленія.

Я при этомъ имѣю въ виду одинъ пунктъ, съ которымъ экономическій матеріализмъ съ тру-

[redacted]

домъ можетъ справиться; этотъ пунктъ, который также составляетъ причину „возвращенія къ Канту,“ этическаго свойства. Кантъ, этотъ буржуа, бывшій уже очень недовольнымъ окружающимъ его обществомъ, но не имѣвшій еще силы для нападенія и измѣненія его, создалъ, по этой именно причинѣ, одинъ изъ прекраснѣйшихъ идеаловъ человѣческаго достоинства, индивидуальную чистоту и мораль. У Фихте, какъ только нѣмецкая буржуазія достигла своей высоты, этотъ идеалъ сталъ революціоннымъ. Французскій раціонализмъ, унаслѣдованный и культивированный еще только зарождающимися въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ слоями буржуазіи, не одаренными реставраціей, этотъ раціонализмъ, менѣе поэтичный, но болѣе практичный, создалъ новую формулу „человѣческой природы:“ вѣчную справедливость и вѣчное право. Эта фурмула тотчасъ же послужила переходомъ къ пролетарскимъ требованіямъ, и службу эту она несетъ и сейчасъ. Окруженная въ своемъ тяжеломъ положеніи разочарованіями и искушеніями, мелкая и средняя буржуазія обладаетъ прекраснымъ индивидуальнымъ основаніемъ соціальнаго идеала, но она боится разлагающаго дѣйствія матеріализма на этотъ идеалъ, какъ только она признаетъ его ученіе о реальномъ хозяйственномъ базисѣ. Такъ Ф. А. Ланге хочетъ сохранить „порядокъ, основанный на человѣческой природѣ“ Такъ Жоресъ, который много революціоннѣе, утверждаетъ, что со времени существованія человѣчества существуетъ протестъ „противъ нечеловѣческаго обращенія съ человѣкомъ.“ И весь ея „соціальный идеализмъ“ пугается „аморальности“ экономическаго матеріализма.

Едва ли необходимо защищать отъ этого упрека ученіе, говорящее, что задачи только тогда становятся передъ человѣкомъ, когда уже на лицо средства къ ихъ разрѣшенію, хотя иногда только еще въ скрытой формѣ; ученіе, устраняющее нерѣшительность и скептицизмъ и внушающее непоколебимую самоувѣренность при исполненіи самыхъ опасныхъ соціальныхъ обязанностей; ученіе,

[redacted]

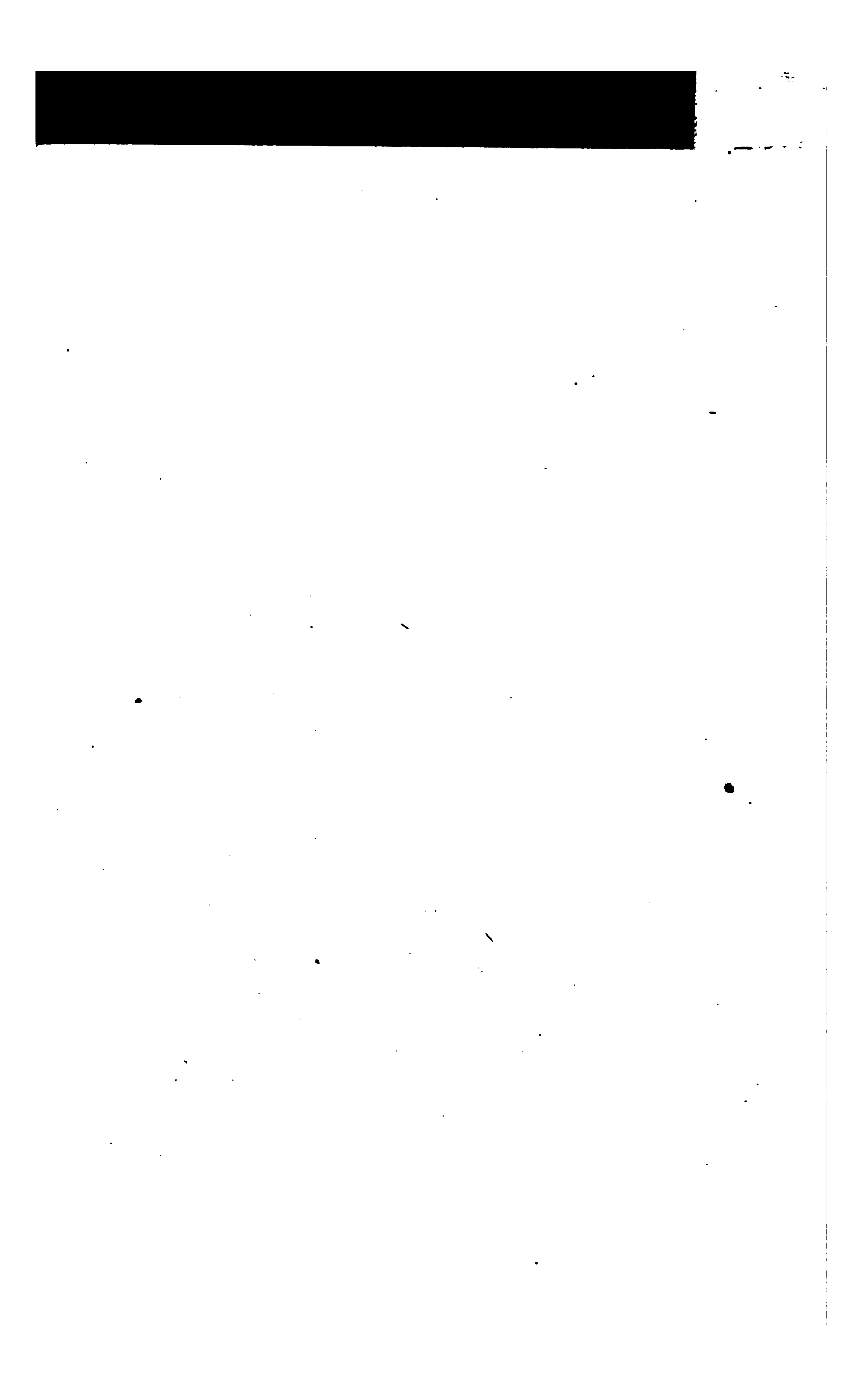
провозглашающее съ другой стороны, что всякое соціальное дѣяніе происходитъ въ людяхъ и посредствомъ людей—рѣшительно всѣхъ людей, лишающее даже самаго низкаго и слабаго изъ людей права на бездѣятельность и фаталистическій квіетизмъ. Первымъ изъ этихъ принциповъ марксистская этика, существующая, какъ видимъ, вопреки утвержденію Б. Крукса, напоминаетъ этику Канта, а вторымъ она превосходитъ ее. Экономическій матеріализмъ удѣляетъ серьезное вниманіе идеалистическому и этическому чувствамъ индивидуума. Онъ, напримѣръ, не хочетъ и не можетъ отрицать, что концентрація капиталовъ безъ самосознанія пролетаріата, самосознанія, прежде всего опирающагося на сознаніе ихъ собственнаго достоинства, могла бы повести къ новому феодализму или господству „сверхчеловѣка". И, если идеалисты, и по моему съ полнымъ правомъ, возражаютъ, что подобныя чувства справедливости, самоотрицанія, самопожертвованія не могутъ возникнуть въ обществѣ, въ которомъ уже столѣтія господствовали противоположныя чувства; если они оттѣняютъ, что идеалъ коммунистическаго общества, который влечетъ пролетаріевъ и наступитъ лишь послѣ нынѣ существующаго хозяйственнаго строя, уже по одной этой причинѣ не можетъ быть продуктомъ этого строя,—что мы имъ можемъ отвѣтить? Должны ли мы тогда изъ за этихъ трудностей отказаться отъ надежды объяснить соціальную форму содержаніемъ и свести надстройку къ экономическому основанію? Должны ли мы признать дуализмъ въ человѣческой природѣ?

Никоимъ образомъ. Эта проблема о возникновеніи общественнаго идеала раньше развитія хозяйственныхъ фактовъ, эта проблема, составляющая, можетъ быть, суть всего „кризиса марксизма" и затронутая, насколько мнѣ извѣстно, въ первый разъ Каутскимъ (въ своей полемикѣ съ Бельфоръ-Баксомъ въ 1896 году), эта проблема, какъ мнѣ кажется, находитъ рѣшеніе вполнѣ соотвѣтствующее экономическому матеріализму, въ

„законѣ революціонной ретроспекціи“: въ законѣ, который формулированъ мною въ 1894 году на первомъ международномъ соціологическомъ конгрессѣ и который составилъ бы современное научное выраженіе для гегелевскаго „отрицанія отрицанія“, для „retour à la natur“ Руссо и „ricorsi“ Вико. Источникъ для представленія будущаго, какъ и источникъ всякой идеи, нужно искать въ прошломъ, въ пережитой соціальной формѣ: въ нашемъ же случаѣ первобытный коммунизмъ— источникъ пролетарскаго идеала. Когда первое классовое общество вытѣснило первобытный коммунизмъ, люди сердечно жалѣли о немъ, и точно такъ, какъ слезы раковины превращаются въ великолѣпныя жемчужины, такъ и эта тоска скоро превратилась въ идеальный образъ. Различныя формы хозяйственнаго коммунизма, никогда окончательно не исчезавшія изъ исторіи и снова пережившія процессъ разложенія, возбуждали людей и обостряли въ нихъ унаслѣдованную тоску, напоминали объ идеальномъ образѣ, который при постоянной примѣси элементовъ даннаго времени измѣнялся и привелъ, наконецъ, къ современнымъ утопіямъ, предшественницамъ научнаго соціализма. Параллельно съ этимъ только глубже укоренялись въ душу народа благодаря борьбѣ, которую они выдерживали, инстинкты морали, всячески преслѣдуемые и подавляемые въ обществѣ, и развились въ то великое и благородное чувство индивидуальной независимости, свободнаго разума и прирожденной справедливости, составляющихъ теперь основной оплотъ будущаго общества.

Эта экономическая генеологія общественнаго идеала и этическаго чувства лишаетъ ихъ права считаться „абсолютными“ и разрушаетъ послѣдній аргументъ идеалистическаго дуализма. Но она также доказываетъ вѣрность основной мысли марксизма: соціальныя формы переживаютъ и вновь приспособляются; эти переживанія и приспособленія соціальной формы, отдѣлены другъ отъ друга столѣтіями или вѣрнѣе заполняютъ собой вѣковую исторію. Они показываютъ намъ реали-

стическое примѣненіе исторической діалектики и вмѣстѣ съ тѣмъ высшую ступень діалектизма; мы видимъ здѣсь, какъ соціальная форма, отсталая по своей природѣ, послѣ извѣстнаго промежутка времени становится предвозвѣстникомъ переворота. Мертвый хватаетъ живого—только для того, чтобы продвинуть его впередъ... Эта генеологія осуществляетъ, наконецъ, я сказалъ бы эстетическимъ образомъ, единство соціальной жизни отъ основанія до вершины, отъ начала до конца. Тѣмъ же духомъ проникнута вся человѣческая исторія.

Книгоиздательство Е. П. ГОРСКОЙ.

Печатаются и въ непродолжительномъ времени поступятъ въ продажу:

Марксъ. „Капиталъ". т. IV Пер. съ нѣм. подъ редак. и предис. В. Я. Желѣзнова.

Джонъ Рэ. „8-ми часовый рабочій день". Пер. съ англ. Н. А. Желѣзновой.

Морицъ Хильквитъ. „Исторія социал. въ Соединенныхъ Штатахъ". Пер. съ англ. Н. А. Желѣзновой.

Габріэль Девиль. „Капиталъ". (изл. экон. уч. К. Маркса) Пер. съ франц.

„Жизнь рабочаго". подъ ред. и съ пред. Гейне Пер. съ нѣм.

Мерингъ. „Лассаль и Марксъ". Пер. съ нѣм.

Э. Вандервельдъ. „Профессіональныя ассоціаціи въ Бельгіи". Пер. съ франц.

Ф. Энгельсъ. „Кризисъ нѣмецкой классической философіи". Пер. съ нѣм.

Его же. „Метафизика и діалектика". „Діалектика въ современномъ естествознаніи". Пер. съ нѣм.

Г. Куновъ. „Экономическія основанія матріархата". Пер. съ нѣм.

П. Лафаргъ. „Историческій матеріализмъ". Пер. съ франц.

Его же. „Преступность во Франціи", съ пред. Лафарга къ рус. пер. Пер. съ нѣм.

Его же. „Развитіе собственности". Пер. съ нѣм.

Эрнстъ. „Соціальныя условія Римской Имперіи наканунѣ нашествія варваровъ". Пер. съ нѣм.

Лабріола. „Историческая справка къ коммунистическому манифесту". Пер. съ франц.

Панекоэкъ. „Марксизмъ и телеологія".

Ривсъ. „Рабочее законодательство въ Австраліи и Новой Зеландіи". Пер. съ англ.

Мерингъ. „Очерки соціализма". Пер. съ нѣм.

Ф. П. „Краткая исторія франц. революціи". Пер. съ польскаго.

В. фонъ Шнеенъ. „Іисусъ и соціализмъ".

Его же. „Аграрная программа". Пер. съ нѣмец.

Ріенци. „Почему мы бѣдны?"

Отдѣленія книгоиздательства.

Петербургъ у С. Е. Айзенштадта. Литейный пр. 52 кв. 22.
Москва въ книжномъ магазинѣ „Трудъ" Тверская 38.
Вильно у И. М. Ромма. Завольная д. Троцкаго.
Одесса. У В. Я. Морозова Пушкинская 24.
Минскъ. У **З. Гуревича.** Захарьевская ул. № 60. Сѣмянной магаз. „Польза".
Витебскъ у М. Штяхтера Набережная 3 часть.
Харьковъ. У **А. Полонскаго.** Петровскій пер. № 10,
Нижній-Новгородъ. У **М. А. Багаева.** Кизиветерская домъ Мирасова № 28.
Бердичевъ у Д. Зингеръ Бѣлопольская ул. типограф. Кагана.
Орелъ, Книжный складъ губернск. земства.
Самара, Книжный складъ губернск. земства.
Екатеринославъ, у Э. И. Полонской. Петербургская д. Орлова.

Вышли въ свѣтъ:

Ф. Энгельсъ. „Сила и экономика“. Пер. съ нѣм. ц. 10 к.
Его же „Соціализмъ въ Германіи“. Пер. съ нѣм. ц. 8 к.
Его же „Нѣмецкій крестьянинъ“. Пер. съ нѣм. ц. 6 к.
Г. Куновъ. „Соціологія, этнологія и матеріалистическое пониманіе исторіи“. Пер. съ нѣм. ц. 15 к.
Его же „Соціально-философскія заблужденія“. Пер. съ нѣм. ц. 7 к.
Шиппель. „Экономическіе перевороты и развитіе соціализма“. Пер. съ нѣм. ц. 8 к.
Гунтеръ. „Историческій матеріализмъ и практическій идеализмъ“. Пер. съ нѣм. ц. 7 к.
К. Каутскій. „Непосредственное народное законодательство и классовая борьба“. Пер. съ нѣм. ц. 7 к.
Каутскій. Агитація среди крестьянъ въ Америкѣ пер. съ нѣм. ц. 7 к.
Шестерникъ. „О народныхъ выборныхъ“. ц. 12 к.
Покровскій проф. „Гражданскій судъ и законъ“. ц. 20 к.
Цеттербаумъ. „Классовыя противорѣчія въ еврейскомъ обществѣ“. Пер. съ нѣмец. ц. 15 к.
Его-же Сіонизмъ и соціализмъ пер. съ нѣм. ц. 8 коп.
Лабріола. „Къ кризису марксизма“. Пер. съ нѣм. ц. 7 к.
Биннъ. „Развитіе бельгійской рабочей партіи“. Пер. съ нѣм. ц. 8 к.
Атлантикусъ. „Взглядъ въ Государства будущаго“. съ пред. К. Каутскаго. Пер. съ нѣм. подъ ред. В. Я. Желѣзнова ц. 40 к.
Мокъ Гастонъ. „Армія въ демократическомъ государствѣ“. Пер. съ франц. ц. 70 к.
Э. Эвелингъ. Дарвинъ и Марксъ пер. съ нѣм. ц. 8 к.

Контора и складъ книгоиздательства помѣщаются на Пушкинской № 11 б.

Книгопродавцы выписывающіе на 15 руб. пользуются сверхъ обычной скидки безплатной пересылкой. Выписывающимъ изъ склада на 1 руб. пересылка за счетъ склада.

При книгоиздательствѣ открытъ складъ изданій С. Скирмунта и „Библіотеки для всѣхъ“ О. И. Рутенбергъ.

Для Г.г. книгопродавцевъ условія тѣже, что и у издателей

Gaylord
PAMPHLET BINDER
Syracuse, N. Y.
Stockton, Calif.